

А. Д. Шмелев

*Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com*

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ*

В статье на примере церковнославянского языка рассматриваются теоретические проблемы кодификации орфоэпических норм «спящих» языков, т. е. языков, на которых не происходит спонтанное устное общение, а их устная форма сводится к рецитации письменных текстов. Тем самым церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Обсуждается алгоритм перехода от письменного церковнославянского текста к его нормативному чтению с учетом особенностей региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов, и ставится вопрос об использовании гражданской графики в качестве промежуточной ступени такого алгоритма. Упоминается ряд моментов, не нашедших отражения в существующей кодификации при вариативности в узусе, а также проблемы описания соотношения нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Реальная практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собой компромисс между правилами чтения церковнославянского текста (при этом соответствующие орфоэпические рекомендации иногда различаются в разных пособиях) и навыками чтения русского текста. В статье обосновывается необходимость введения шкалы нормативности, позволяющей оценить допустимость отклонения от строгих правил чтения.

Ключевые слова: «спящий» язык, орфоэпия, кодификация языковых норм, правила чтения, региональное варьирование, интонация, просодия

Особенности кодификации церковнославянского произношения обусловлены тем, что церковнославянский язык можно отнести к некоторой разновидности

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00488 «Изменения узуса и кодификация норм русского литературного языка» (2015–2017).

«спящих» языков, а именно — к языкам, на которых отсутствует устная бытовая коммуникация, т. е. не происходит спонтанное устное общение. Устная форма существования таких языков сводится к рецитации письменных текстов. Этому не противоречит тот факт, что на языках данного типа могут создаваться новые тексты (в частности, на церковнославянском языке создаются службы новопроставленным святым): они создаются как письменные тексты, хотя и предназначенные для исполнения вслух.

Тем самым церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Может показаться, что для современной языковой ситуации эти правила удобно представить следующим образом. На первом этапе осуществляется запись текста средствами современной русской (гражданской) графики — для такой записи существует строгий алгоритм¹. При этом получаемая русская запись менее информативна, чем исходный церковнославянский текст, так что механически восстановить его по записи невозможно. Это связано с рядом необратимых преобразований. Во-первых, в некоторых случаях двум или даже трем разным церковнославянским буквам алгоритм ставит в соответствие одну и ту же русскую. Во-вторых, осуществляемая алгоритмом замена является контекстной (например, после шипящих *ы* заменяется на *и*; в словах типа *синклит* в соответствии с произношением пишется *н*, а не *з*)². Кроме того, имеет место раскрытие титл и еще ряд менее существенных, но также формально необратимых преобразований исходного текста, часто не связанных с орфоэпической проблематикой (расстановка знаков препинания, прописных букв и т. д.). Полученная русская запись оказывается акцентуированной (при этом разнообразные акцентные знаки исходного текста заменяются одним и тем же знаком ударения). После того как замена осуществлена, полученная запись читается в соответствии с нормативными русскими правилами чтения, за исключением специально оговариваемых случаев (иными словами, обычно кодифицируются орфоэпические нормы, отличные от русских норм)³. Среди особых церковнославянских правил чтения практически всегда отмечается отсутствие качественной редукции гласных в безударных

¹ Сложная составляющая алгоритма — правила, регулирующие употребление знаков препинания и прописных букв. Однако для обсуждаемой проблемы кодификации церковнославянского произношения эти правила не играют никакой роли.

² В некоторых случаях передача церковнославянского текста гражданской графикой может быть ориентирована на произношение или на простоту правил транслитерации, и этим определяется необходимость специальных оговорок, касающихся чтения определенных буквосочетаний, или отсутствие таковых. Так, стих Пс. 54: 22 записывается в гражданской графике двояким образом: «Разделишася от гнѣва лица Егѡ, и приближишася сердца их, умякнуша словеса их паче елѣа, и та суть стрѣльы» или «Разделишася от гнѣва лица Егѡ, и приближишася сердца их, умякнуша словеса их паче елѣа, и та суть стрѣлы». При выборе первого варианта записи (*елеа*) необходимо в правилах чтения оговорить, что *а* после *е* (а также *и*) читается как *я*; при выборе второго варианта (*елѣя*) придется формулировать специальное контекстное правило транслитерации.

³ Впрочем, возможно, удобнее исходить из отдельно задаваемых нормативных правил чтения церковнославянского текста «по слогам», после чего каждый слог может быть записан средствами русской гражданской графики.

словах и оглушения звонких шумных согласных на конце слова. Напротив того, правила чтения групп согласных обычно не упоминаются; лишь изредка говорится, что в группах согласных нет ассимиляции по глухости–звонкости или что все согласные должны читаться (т. е. нет так называемых «непроизносимых» согласных). Наконец, иногда даются особые правила, касающиеся чтения отдельных букв, например буквы *z*: указывается, что она никогда не читается как [v]; в специальных случаях обсуждается выбор между чтением [g] или [γ].

При этом есть целый ряд моментов, не нашедших отражения в существующей кодификации при вариативности в узусе. Сюда относятся, например, способ чтения диграфа *жж* (в словах типа *всесоужжение*), возможность произношения твердого согласного перед *e* (в словах типа *Едем* ‘Эдем’), возможность произношения нейотированного [э] на месте буквы *e* в начале некоторых имен собственных (типа *Едем, Есфирь, Емилия, Еммануил*), произношение [с] или [з] на месте буквы *c* перед сонорными в некоторых словах⁴ (например *кафисма* или *Исмаил*).

Кроме того, в некоторых случаях кодификация особых церковнославянских правил чтения не вполне устоялась, наблюдаются расхождения между нормативными рекомендациями, и эти расхождения проникают и в учебную литературу. Так, в одном из учебников церковнославянского языка [Миронова 2014: 17] говорится: «В церковнославянском чтении оглушение звуков не допускается: нужно произносить слова, четко выговаривая конечный звонкий согласный или звонкий согласный, стоящий в слове перед глухим: <...> Это получится скорее, если вслед за конечным звонким согласным выговаривать, к примеру, коротенький гласный призвук [э]: [дуб^э], [воз^э], [враг^э]».

С другой стороны, учебник [Воробьева 2008: 41–42] предостерегает: «Оглушения и озвончения согласных также следует по возможности избегать, но без чрезмерного усердия (не делая ненужных пауз для этого и не вставляя гласного призвука), отвлекающего молящихся».

Реальная практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собой компромисс между правилами чтения церковнославянского текста и навыками чтения русского текста⁵. При этом отклонения от строгих правил чтения могут оцениваться по-разному и по-разному располагаться на шкале нормативности (рекомендуется — допустимо — не рекомендуется — неправильно — грубо неправильно); впрочем, на практике шкала нормативности применительно к церковнославянскому языку, как правило, не используется.

Особенности региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов могут быть представлены посредством модификации представления церковнославянского текста средствами современной графики. Так, вариант чтения, который до сих пор распространен на Западной Украине и используется в Польской

⁴ В слове *Израиль* при раскрытии титла устойчиво пишется буква *з*, и это определяет произношение.

⁵ Следует специально подчеркнуть, что, когда церковнославянские элементы включаются в звучащую русскую речь, они произносятся в соответствии с правилами русского произношения (в котором предусмотрены произносительные особенности некоторых церковнославянизмов).

Православной Церкви (возможно, наряду с другими вариантами чтения), предполагает, что букве *ѣ* ставится в соответствие не *e*, а *i*; при этом в прочих отношениях часто используется русская, а не украинская графика. Приведем в качестве примера церковнославянский текст Символа веры с параллельным украинским переводом из пособия, изданного Львовской епархией УПЦ МП (<http://orthodox.lviv.ua/books/dogmat.htm>)⁶:

Церковно-слов'янська мова	Пояснення українською мовою
1 член: Вірую во Єдиного Бога Отця Вседержителя, Творця небу и землі видимым же всім и невидимым.	Вірую во Єдиного Бога Отця, Вседержителя, Творця неба і землі, всього видимого і невидимого (до невидимого світу належать ангели та душі всіх людей, живих та вже померлих).
2 член: И во Єдиного Господа Ісуса Христа, Сына Божія, Єдинородного, Иже от Отця рожденного прежде всіх вік, Світа от Світа, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, єдиносущна Отцу, Им же вся быша	(Вірую) і во Єдиного Господа Ісуса Христа, Сина Божого, Єдинородного, що від Отця народженого перш за всі віки, Світла від Світла, Бога істинного від Бога істинного, рожденного, несотвореного, одного єства з Отцем, через Котрого все створено;
3 член: Нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловичашася;	Для нас людей і для спасіння нашого зійшов з небес, прийнявшого тіло (плоть) від Духа Святого і Марії Діви, і ставшого людиною;
4 член: Распятого же за ны при Понтійстем Пилате, и страдавша, и погребенна;	Розіп'ятого за нас при Понтії Пілаті, страдавшого і погребеного;
5 член: И воскресшаго в третий день, по писанием;	Який воскрес в третій день згідно з писаннями (пророцькими у Старому Заповіті);
6 член: И восшедшаго на небеса и сидяща одесную Отца;	І що зійшов на небеса і сидить праворуч від Отця;
7 член: И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца.	І який знову має прийти зі славою судити живих і мертвих, царству Його не буде кінця.
8 член: И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.	(Вірую) і в Духа Святого, Господа, Який дає життя, Який від Отця походить, якому поклоняємось і якого прославляємо нарівні з Отцем і Сином, Котрий говорив через пророків.
9 член: Во єдину, святую, соборную и апостольскую Церковь.	(Вірую) і во єдину святу, соборну (все-ленську) і апостольську Церкву.
10 член: Исповідує єдино крещення во оставление гріхов.	Ісповідує єдине хрещення для прощення гріхів.
11 член: Чаю воскресения мертвых.	Чекаю воскресіння мертвих.
12 член: И жизни будущего віка. Аминь.	І життя майбутнього віка. Істинно так.

⁶ Обратить внимание на то, что текст не акцентирован.

Очевидно, что запись церковнославянского текста средствами гражданской графики осуществлена носителем русского языка. Он употребляет букву *и* в соответствии с русской графической системой (союз *и*, первая буква в слове *истинна*), использует букву *ы*, отсутствующую в украинской графике (*Сына*), пишет *е* в начале слова, так что единственным отличием от принятой русской записи гражданским шрифтом оказывается последовательное употребление буквы *і* в соответствии с церковнославянским **ѣ**. Однако и это выдерживается не абсолютно: по меньшей мере в двух случаях автор записи (скорее всего, в силу своих навыков носителя «стандартного» русского чтения церковнославянских текстов) ставит в соответствие букве **ѣ** не *і*, а *е*: в сочетании *воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы* (вместо *Марии Дівы* или *Маріи Дівы*, как следовало бы писать в соответствии с избранными им принципами) и в сочетании *при Понтійстем Пилате* (вместо ожидаемого *Пилати*). Можно заметить еще одно отличие от «стандартной» русской записи: в тех случаях, когда в церковнославянском тексте используется *і* десятеричное, автор записи иногда (но не всегда!) сохраняет его, не заменяя на *и* как в «стандартной» русской записи (на чтение, впрочем, это не влияет).

Иногда, впрочем, используется и «украинизированная» запись церковнославянского текста, и тогда текст должен читаться в соответствии с правилами чтения текста, записанного украинской графикой. Например:

Вірую во єдинаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу і землі, видимим же всім, і невидим. І во єдинаго Господа Ісуса Христа, Сина Божія, єдинороднаго, іже от Отца роженнаго прежде всіх вік: Світа от Світа, Бога істинна от Бога істинна, роженна, не сотворенна, єдиносущна Отцу, Імже вся биша. Нас ради человек, і нашего ради спасенія шедшаго с небес, і воплотившагося от Духа Свята і Марії Діви, і вочоловічшася. Расп'ятаго же за ни при Понтійстім Пилаті, і страдавша, і погребена. І воскресшаго в третій день по Писанієм. І возшедшаго на небеса, і сідающа одесную Отца. І паки грядущаго со славою, судити живим і мертвим, Єгоже Царствію не будет конца. І в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, іже от Отца і Сина ісходящаго, іже со Отцем і Сином споклоняєма і сславима, глаголавшаго пророки. Во єдину Святую, Соборную і Апостольскую Церковь. Исповіду єдино крещеніє, во оставленіє гріхов. Чаю воскресеніє мертвих. І жизни будущаго віка, Амінь. (<https://vk.com/club73077465>)⁷

Как легко видеть, это транслитерация церковнославянского текста посредством украинской гражданской графики (отвлечемся от нескольких опечаток, например от гаплогологии в форме *невидим* вместо предполагаемого *невидимим*).

Для описания чтения в русских приходах за границей иногда удобно использовать алгоритм практической транскрипции церковнославянского текста средствами языка окружения — разумеется, когда язык окружения пользуется буквенным (как правило, латинским) письмом.

⁷ Обратим внимание на то, что это католический символ веры (с *filioque*). Этот текст тоже не акцентуирован.

Отдельную задачу составляет описание соотношения нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Эта проблема практически не ставилась в лингвистическом ключе. Здесь необходима обработка представительного корпуса материалов. Пока мы располагаем, с одной стороны, практическими нормативными рекомендациями, которые обычно делаются людьми, далекими от лингвистики, а с другой — профессионально выполненными лингвистическими описаниями существующего узуса (здесь в первую очередь следует назвать книгу [Прохватилова 1999] и проницательные статьи [Янко 2010; Ianko 2011]), авторы которых воздерживаются от прескрипций.

Особняком стоит серия лекций С. А. Наумова [<http://tv-soyuz.ru/peredachi/bukva-v-duhe-tserkovnoslavjanskaya-gramota>], в которой, давая лингвистический разбор особенностей церковнославянского языка в его отличии от современного русского, автор не уклоняется от того, чтобы дать свои рекомендации и выразить собственные воззрения, не оставаясь в рамках чисто дескриптивного подхода (к концу ноября 2017 было прочитано 267 лекций). Однако иногда рекомендации даются несколько прямолинейно, автор практически не использует шкалу нормативности, а популярный жанр не всегда позволяет автору дать аргументированное обоснование предлагаемых рекомендаций.

Среди прочего автор касается и проблем просодии. Приведем названия некоторых лекций: «Паузы», «Синтагмы в церковнославянском языке», «Непроективные конструкции в церковнославянском языке», «Мелодика», «Несловесные ударения», «Интонация светская и церковная», «Псаломская погласица»... Всего просодии и смежным проблемам посвящено более сорока лекций, в том числе интонации чтения Апостола — семь лекций, паремийной погласице — четыре лекции, интонации чтения Евангелия — пять лекций. Однако при всей познавательности того, что в этих лекциях сообщается, из них трудно вычлениить нормативные рекомендации, которые можно было бы эффективно использовать на практике, в том числе при обучении церковному чтению. В настоящее время более или менее успешное овладение нормами церковнославянской интонации обычно происходит путем слушания опытных чтецов и подражания им.

Таким образом, кодификация современного церковнославянского произношения пока далека от завершения. Одной из насущных задач представляется расположение на шкале нормативности произносительных явлений, наблюдающихся в узусе. Это позволило бы сделать рекомендации более гибкими и теоретически обоснованными.

Литература

- Воробьева А. Г.* Учебник церковнославянского языка. М.: ПСТГУ, 2008. 368 с.
- Миронова Т. Л.* Церковнославянский язык. Изд. 3-е. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 272 с.
- Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 362 с.

Янко Т. Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог»'2010 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 609–621.

Yanko T. E. Accent placement principles in Russian // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2011). Iss. 10. M., 2011. P. 712–724.

Alexei D. Shmelev

Moscow Pedagogical State University;

Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences;

St Tikhon Orthodox University

(Russia, Moscow)

shmelev.alexei@gmail.com

CHURCH SLAVONIC PRONUNCIATION: PROBLEMS OF LINGUISTIC STANDARDS

The article examines theoretical problems of codification of orthoepic standards of Church Slavonic, which constitutes an example of a “sleeping” language, that is, a language, which currently has no native speakers (its oral form reduces to the recitation of written texts). The Church Slavonic orthoepy is essentially the rules for reading aloud the Church Slavonic text. The paper discusses the algorithm of the transition from the written Church Slavonic text to its standard reading, taking into account the peculiarities of regional variants of reading the Church Slavonic texts aloud. It poses the question as to whether it is possible to use the civil alphabet as an intermediate step of such an algorithm. It claims that the existing codification does not reflect the variation of standards as well as the problems of describing the ratio of normative intonation and the usage in reading aloud Church Slavonic texts. The actual practice is a compromise between the rules for reading the Church Slavonic text (especially as the orthoepic recommendations sometimes vary in different textbooks) and the reading skills of the Russian speakers. The article substantiates the necessity of introducing a normative scale of Church Slavonic orthoepy.

Key words: “sleeping” language, orthoepy, codification of linguistic standards, rules for reading, regional variation, intonation, prosody

References

Mironova T. L. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic]. Moscow, Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) Publ., 2014. 272 p.

Prokhvatilova O. A. *Pravoslavnaia propoved' i molitva kak fenomen sovremennoi zvuchashchei rechi* [Orthodox Sermon and Prayer as a Modern Speech Phenomenon]. Volgograd, Volgograd St. Univ. Publ., 1999. 362 p.

Vorob'eva A. G. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Handbook of Church Slavonic]. Moscow, St. Tikhon Orthodox Univ. Publ., 2008. 368 p.

Yanko T. E. [Prosody of sentences with no illocutionary force]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»'2010 po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam*. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2010)]. Iss. 9. Moscow, 2011. P. 609–621. (In Russ.)

Yanko T. E. Accent placement principles in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2011)*. Iss. 10. Moscow, 2011. P. 712–724.